

Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его...

Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит её от него.

Притч. 19:18, 22:15

— А ну, сыночек, ударь папу! Вот так! Ещё! Вот молодец! А ну ещё ударь... Вот так папу!

Трёхгодовалый малыш, черноволосый, розовощёкий и пухленький, задорно смеётся, обнажая ровные белые зубки, и радостно хлещет ручонкой папу по лицу. Игра ребёнку нравится. Он заразительно хохочет и наотмашь бьёт ладошкой папу по щеке. Раз от разу пощёчины дитяти становятся звонче, что доставляет родителю явное удовольствие.

— Маша! Только посмотри, каков мужик! А?! Боец растёт! Глянь, Маша! Прямо по-настоящему лупит... Выключи этот чёртов пылесос! — громко крикнул мужчина, стараясь перекричать нудный вой.

Жена послушно выдернула вилку из розетки, убрала пылесос в кладовую. В наступившей тишине стали слышны шлепки ребёнка и его раскатистый смех. Ополоснув руки в ванной, Мария наскоро отёрла их полотенцем и заторопилась к любимому чаду.

В течение нескольких лет замужества она не могла родить и долго лечилась у врачей, у деревенских бабуль-знахарок, у всяких проходимцев-«целителей», но вот, наконец, Бог послал супругам здоровенького мальчишка, в котором, понятно, счастливые родители души не чаяли. Злые языки поговаривали, что живот Марии заметно округлился после её продолжительного отдыха в санатории «Сосновый бор», где жену Дмитрия Гущина кто-то якобы видел поздним вечером в парке санатория в объятиях массивика-затейника кавказской национальности. На каждый роток, как известно, не накинешь платок. И хотя родившийся ребёнок был чернявеньким, это отличие в облике малыша не смущало светловолосых родителей. Всякое бывает. Может, наследственные гены передалась. Показывали же по телевизору, как в одной молодой семье на свет появился... негритенок! Взбесившийся муж едва не прибил ни в чём не повинную женщину, обвинив в измене. Как позже

выяснилось, в случившемся оказалась виновата прабабушка. Она призналась, что гульнула с негром на Московском всемирном фестивале молодёжи и студентов. Отсюда вывод: не всегда фамилия является доказательством старинного рода, которым иные кичатся. Где-то в родословную кровь примешалась немецкая, чуть-чуть её разбавили армянской, татарской, турецкой. Где-то в родословную влез швед или финн. Где-то китаец затесался или даже эфиоп. Да мало ли куда забрасывала судьба кого-либо из супругов фамилии военного, дипломата, инженера-строителя, моряка или обычного труженика? Если проследить линию «знатной» родословной, она непременно свернёт в сторону, приведёт в рыжую Скандинавию, в раскосую Азию или, не приведи Бог, в Африку! Но не следует уподобляться соседкам-сплетницам и наводить тень на плетень. Тем более что в «Сосновом бору» выходцев из южных стран не было. — Я говорю, сильным парнем вырастет наш Никитушка... Как даст, так уже чувствуется, — понизив голос, но по-прежнему возбуждённо, проговорил муж. — Как исполнится ему лет семь, в секцию бокса отведу... А что?! Пусть всем сдачи даёт, кто захочет его обидеть...

— Правильно, Дима... Надо, чтобы умел постоять за себя... А то как согласишься по телевизору, что в школах творится нынче... Избивают младших и слабых детей, сотовые телефоны отнимают, деньги вымогают... А ну, Никитушка, ударь маму!

Мария берёт ручонку маленького несмышлёныша и легонько бьёт ею себя по лицу.

— Вот так! Ещё! Ай, умничка моя! Вот так маму! А теперь папу... Так его! Так его!

Никита закатывается от смеха, совсем не вникая своим умишком в смысл родительских слов, но забава ему нравится, и он охотно хлещет по лицу то маму, то папу. А те, довольные радостью ребёнка, с весёлым блеском в глазах переглядываются, без слов понимая друг друга: хороший у них мальчик! Бойкий и крепенький.

...В неустанных заботах о сыне прошло три неусыпных года. Никиту с рук не спускали, заглядывали ему в рот, целовали в попу, старались исполнить его прихоти и капризы.

— Кушай, Никитушка, манную кашку... Ах, кашка... Какая вкусная! А ну ложечку за папу... Вот

молодец! Теперь за маму... За бабушку... За де-душку...

Мать подносит ложку ко рту малыша, но Никита капризно отворачивается, плаксиво тянет: — Не хочу-ю... Плохая твоя каса... Сама ешь...

Неожиданно Никита бьёт Марию по лицу. Мать роняет ложку, наклоняется поднять её, но маленький буян ударяет по тарелке, та со звоном летит со стола. Каша оказывается на полу, чем не преминула воспользоваться собачка Мики. Мария схватила её за ошейник, подсунула Никите:

— Вот кто хочет скушать кашку у Никиты! Побей её!

Никита не заставляет себя долго ждать. Несколько раз стучит собачку по голове кулачком. — Так её, сынуля! Так её! Будет знать, как есть кашу у Никиты! — смеясь, приговаривает мать.

Мики жалобно взвизгивает, вырывается, убе-гает, поджав хвост. Настроение Никиты меняется к лучшему. Он готов есть кашу.

— Ах, она, эта нехорошая Мики... Хотела кашу съесть у Никиты... Кушай, сынулечка, кушай... Вот молодец... Ступай играй... Скоро папа с работы придёт... Мне надо обед приготовить.

— Не хочу играть один... Ты тозе иди иглать... — Не могу, сына... Борщ варить папе буду. — Нет, пойдём... — Никита хватает мать за край халата, настойчиво дёргает, сучит ногами. — Пойдём иглать... Пойдём...

Когда трясушка и дрыгалка не помогают, трёх-летний домашний деспот «включает» испытанный приём: плашмя падает на задницу, тычется лбом об пол и пускается в рёв, чем и достигает выполнения требования.

— Ладно... Не реви... Покатаем машинку вместе... Пришёл с работы Дмитрий Гушин, отец семейства.

— Знаешь, Дима... Обещанный борщ сварить не успела... Никитушка не дал... Всё просил поиграть с ним, — оправдывалась Мария. — Вот колбаса, сыр, масло... Сейчас бутерброды тебе сделаю...

— Сегодня борщ не успела сварганить, вчера котлет не нажарила, — сердито проворчал Дми-трий. — Кстаги... Моя бригада закончила ремонт в «Ромашке», в детском саде... Заведующая осталась довольна качеством нашей работы, сказала, что изыщет место в группе для Никиты... Так что ноги в руки — и вперёд на медкомиссию... Как возьмёшь справку — так сразу в «Ромашку»... А где Никита? Не слышать его... Спрятался где-нибудь... Сейчас найду его... Так... В шкафу нет его... Под столом нет... За диваном нет... Мики! Ищи Никиту!

Собачка услышала своё имя, с визгливым лаем заметалась по комнатам, подбежала к Никите, притихшему за большим горшком с монстерой, разбросавшей широкие резные листья.

— Где наш Никита? Куда спрятался? Не могу его най-ти... А может, он уехал к деду с бабой? — продолжал

отец, делая вид, что не замечает сидящего на полу сына.

Вдруг на глаза Дмитрию попало вечернее платье Марии, валявшееся на полу в углу спальни. — Маша, скорее сюда! Ты куда смотрела?

Мария прибежала в спальню, за голову схва-тилась:

— Ай-я-яй! Беда какая! И когда успел? За те пол-часа, пока я посуду мыла на кухне...

Её любимое платье было изрезано ножницами. — Ты зачем это сделал, негодный мальчишка? — накинулся отец на Никиту, готового разреветься. — Ступай в угол, проказник!

— Не хотю в угол! — затопал ногами Никита. Дмитрий схватил упрянца за руку, но сынок несколько раз ткнул отца кулачком в живот.

— Не хотю в угол! Сам иди в угол! — Оставь ребёнка! Это непедagogично, — запротес-товала Мария. — Лучше объясни ему, что портить мамино платье нельзя. Ох-ох, — вздохнула она, чуть не со слезами разглядывая платье. — Всё... Ремонту не подлежит.

Однако на этом домашнем происшествии охи-вздохи не кончились. Ножницы, попавшие Никите в руки, доставили огорчённым родителям ещё и другие неприятности, одна другой хуже. Никита искромсал в «капусту» паспорт Дмитрия, сбегательную книжку и вложенные в документы шесть пятидесятирублевых купюр — месячную зарплату бригадира строителей-отделочников. Документы и деньги Дмитрий по давней привычке прятал от возможных воров в платяном шкафу, в коробке из-под картриджа. Ещё Никита успел в тот день опустить в унитаз мобильник, губной помадой разрисовать новые, недавно наклеенные обои и оборвать белые лепестки недавно распустившейся орхидеи, цветения которой долго и с нетерпением ждала Мария.

Вечером в гости к дочери и зятю приехали бородатый дедушка Владимир Фомич и молодя-щаяся бабушка Клавдия Фёдоровна. Правда, в семье Гушиных так их не называли, а всё проще: деда Вова, баба Клава...

Дед и баба привезли внучеку подарок — радио-управляемую игрушку-автомобиль. Владимир Фомич подозвал внука, притянул к себе, рас-печатал коробку:

— Смотри, Никитка, что мы купили тебе... Целуй скорее деда Вову и бабу Клаву.

— Не хотю масыну... Ты обессял велголёт, — равно-душно глянул Никита на игрушку, оттолкнув деда. — Не было вертолёта... Одни машины там... Я в три магазина ходил... На рынке смотрел... В дру-гой раз, может, куплю вертолёт, — оправдывался Владимир Фомич, обескураженный безразличием внука к подарку.

Никите, наконец, удалось вырваться из ключ-коватых, цепких пальцев деда, пытавшегося при-ласкать баловня.

— Уйди! Твоя болода колючая... Ты плохой дед! Не купил вертолёт... Вот тебе!

И Никита стукнул деда Вову маленьким, ещё не окрепшим кулачком. Он замахнулся во второй раз, но Владимир Фомич, не ожидавший подобного приёма от мальчика, перехватил его ручонку, укоризненно сказал:

— Ай, нехорошо драться... Не по-христиански это... Ударил деда... Всё! Будешь так себя вести—не куплю тебе вертолёт... Ничего не куплю.

Владимир Фомич повернул Никиту и легонько поддал ему шлепка. Разобиженный внук набросился на него, замолотил кулачками, норовя ударить сильнее:

— Вот тебе сдача! Вот тебе! Вот!

Владимир Фомич притворно ойкал:

— Ой, больно! Ой, как сильно ударил... Ой! Побил деда... Дал сдачи... Ну ладно, сдаюсь...

Владимир Фомич отстранил Никиту. Удивлённый мрачными лицами дочери и зятя, шутливо спросил:

— Вы что такие кислые? Лимон без сахара съели? Без настроения... Хмурые какие-то... Опять разрамосились? Квартира у вас элитная, с евроремонтом... Мебель итальянская... Машина японская... Сынок есть... Вон какой бутуз! Зачем соротишься? Жить вам да радоваться, а не ругаться по пустякам... В храм лучше сходите... Возблагодарите Господа за блага сии...

— Да не ругались мы, папа,— чуть не плача, ответила Мария, утирая мокрые глаза краешком фартука. — Понимаю... Кредит надо оплатить по сроку, а получку Дмитрию вовремя не дали,— предположил Владимир Фомич.— Так мы всегда готовы помочь вам... Верно, Клавдия?

Пожилая дородная женщина сбросила с плеч цветастый шелковый платок, кивнула в знак согласия. На её лице было написано: «А куда денешься? Придётся...»

— Зарплату вчера дали, а сегодня нет ни копейки денег,— понуро проговорил Дмитрий.

— Уже потратили? Норковую шубу купили? Или путёвки к басурманам в Турцию? — допытывался Владимир Фомич, озабоченно глядя на Клавдию Фёдоровну, закусившую губу, что, верно, означало: «Они от жиру бесятся... Валяться на пляжах будут, а мы им затраты возмещай...»

Возможно, так и подумала тёща, но зять возмущённо воскликнул:

— Какие путёвки? Какая Турция? Пропали деньги!

— Как пропали?! — в один голос встревоженно спросили тещь и тёща.

А Владимир Фомич уточнил:

— Украли? Сгорели? Так пожару вроде не видать...

— И ни то, и ни другое... Ваш любимый внук постарался... Ножницами на мелкие кусочки всю пачку... Шестьдесят тысяч,— упавшим голосом объяснил зять.

С этими словами Дмитрий развернул бумажный свёрток и высыпал на диван ворох розово-красных кусочков бумаги, отдалённо напоминавших деньги. С минуты Владимир Фомич и Клавдия Фёдоровна, не отрываясь, смотрели на кучу ценных бумажек, обладавших незримой силой приобретения желаемого.

— Ничего страшного... Отнесите это... — Владимир Фомич поворошил клочки... — Отнесите деньги в госбанк... Там по номерам и сериям установят их подлинность, составят акт о порче и заменят новыми банкнотами... Хлопотное дело, но не безнадежное... Не переживайте... — постарался успокоить зятя и дочь Владимир Фомич. — Конечно, заменяет,— оживилась Клавдия Фёдоровна, воспрянувшая духом.

В просиявших глазах супруги Владимир Фомич безошибочно прочитал: «Не надо будет давать им в долг... Всё равно не отдадут...»

Мария продолжала всхлипывать.

— Не плачь, Маня... Я же сказал: заменят эти обрезки на деньги... Номера и серии на них сохранились...

Мария сходила в спальню, громыхнула дверцей раздвижного шкафа-купе и вернулась в гостиную с тем, что осталось от того, что ещё недавно составляло предмет гордости её наряда. Швырнула испорченное платье под ноги родителям.

— Вот, смотрите... Порезал в разных местах... В спальне обои изнахратил губнушкой... Сотовый телефон мой в унитазе утопил...

Снова наступила минута молчания, которое снова первым нарушил Владимир Фомич:

— Кто этот варвар? Не тот ли шалунишка, который сейчас рулит автомобилем, но вместо «спасибо за подарок» надавал деду тумачков? Это уже не шалость, а форменное безобразия... Людей, творящих плохие дела во вред другим, называют злоумышленниками... Никита! Про тебя говорю, мерзавец этакий! Пошто, окаянный, сотворил беду папе и маме? Не маленький уже, должен понимать, что пакостить нельзя. Вот выпорю тебя ремнём по голой заднице, будешь знать, как проказничать!

Никита и ухом не повёл. Не обращая внимания на рассерженные слова деда, нажимал на кнопки пульта управления игрушкой, ловко рулил автомобилем.

— Ты что, не слышишь? Я тебе говорю, негодник! За твои проделки мало выпороть! Уши тебе надобно оборвать! — с горячей запальчивостью выкрикнул деда Владимир Фомич.

В ответ на грозную тираду деда внук погрозил ему кулачком и пролепетал:

— Если выполешь, я тебе как дам! Папа говорит, кто уши будет мне обливает, тому надо сдачи давать...

— Ну, ребята... Это уже ни в какие ворота не идёт,— покачал головой Владимир Фомич.

А Клавдия Фёдоровна, недолюбливавшая зятя-рабочего, недостойного, по её мнению, быть мужем Марии, имевшей диплом юриста-экономиста, не преминула доложить:

— Плоды грубого мужского воспитания. К ребёнку нужен тонкий подход интеллигентного человека...

Владимир Фомич, токарь с сорокалетним стажем работы на заводе, понял намёк жены, бывшего товароведа универмага, но был другого мнения о зяте.

— Ты, Дмитрий, поостороже с ним... Нечего мальчишку баловать... Почаще надо наказывать, выспать хорошенько ремня!

Дочь всецело на стороне матери:

— Папа! Разве можно бить детей? Грубая мужская сила неприемлема при воспитании ребёнка. В Соединённых Штатах Америки за рукоприкладство к детям в тюрьму садят. И у нас, если правозащитники дознаются, тоже судить будут.

— Какие, к чертям собачьим, правозащитники?! — вспыхнул Владимир Фомич, потрясая бородой.

— Да я, бывало, залезу в чужой сад за яблоками... Батяня так отхлещет вожжами, что неделю на задницу не сядешь... А то крапивой или прутом высечет... Одно потом спасение — в речке отмывать... А вы: «Правозащитники...» А кто они, эти самые ваши правозащитники? Христиане

или басурмане? Если признают себя католиками, православными, верующими в Бога, в Христа Спасителя, в Матерь Божию, в Святого Духа, в ангелов Господних, в святых, то должны Библию знать и чтить! А в Священном Писании, в Книге притчей Соломона сказано: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его...» Глава тринадцать, стих двадцать четвёртый... И там же, в главе двадцать

девятой, стих семнадцатый: «Наказывай сына твоего, и он даст тебе покой, и доставит радость душе твоей». Так-то... Эти самые так называемые правозащитники напрочь отринули мудрые слова о воспитании, прописанные в Библии, тем самым не признавая Священное Писание. Гнусные притворщики эти ваши правозащитники, коли

говорят, что выпороть ребёнка — это преступление! Чинно зажигают свечи в церквях, бормочут молитвы, отвергают при этом наставления великого гуманиста древности царя Соломона. Ах, лгуны! Лицемеры, выдающие себя за верующих христиан! Если считают себя таковыми, почему брезгают Священным Писанием? Возомнили себя умниками! Эти ваши правозащитники праведные

советы мудрого старца, умнейшего из умнейших, игнорируют, не признают. А я считаю: драть надо Никиту за порчу вещей, как сидорову козу! Иначе вырастет шалопаем! Меня отец лупил, не жалеючи, и за то я благодарен ему... Царствие ему Небесное! Мать заступалась, но тоже часто хлестала

тряпкой... Упокой, Господи, её душу грешную!

И человеком вырос я праведным... Ни копейки не украл... Никого не обманул, не обидел... Сына своего Александра порол... Учителем работает в школе, как вам известно... И кто скажет про него плохо? А тебя, Маня, пальцем не трогал... Как же! Девочка! Всё у-сю-сю с тобой... Не наказывал тебя... В итоге учителям грубила, училась неважно...

— Я университет закончила... Высшее образование имею, — перебила отца Мария.

— А... — махнул рукой Владимир Фомич. — А сколько денег мы с матерью вбухали за твоё обучение? Забыла? Училась платно... На бюджетное у тебя грамотёшки не хватило поступить... Кое-как закончила... А что толку? Не работаешь... И не перебивай отца! Иметь образование — не значит быть культурным человеком... Смотри, Маня, как говаривал поэт Маяковский: «Вырастет из сына свин, если сын свинёнок!» И пора Никиту в детский сад отправить, а тебе, Маня, на работу устроиться...

Через несколько дней после домашнего происшествия Дмитрий Гуцин привёл ненаглядного отпрыска в детский сад «Ромашка». Помог сынишке переобуться в сандалии, поплевал на ладонь, пригладил ему вихор на макушке и наказал:

— Смотри, никому себя в обиду не давай... Кто тронет — дай сдачи!

Скоро в детсаде только и было разговору о новичке, доставившем немало неприятностей... Няня Ольга Валерьевна мыла посуду, поглядывая на играющих детей. Воспитатель Татьяна Юрьевна, занятая приготовлениями к занятиям по теме «Птицы нашего леса», раскладывала на столиках плакаты. Ребятишки увлечённо играли на синем

паласе, покрывавшем пол в просторной комнате. Бесхитростные споры, смех, визги — хоть уши затыкай! Обычное поведение нормальных детей. Однако в детском game и няня, и воспитатель

уловили грубые нотки в общении новичка Никиты Гуцина и давнего воспитанника «Ромашки» Артёма Лукина.

— Не буду с тобой играть... Ты дерёшься, — обиженно говорит Артём. — Отдай... Это моя машина!

Никита тянет грузовичок к себе, Артём не уступает, толкает Никиту. Тот вырывает машину из рук Артёма и с размаху бьёт ею мальчика по лицу. Артём орёт, из носа у него сочится кровь.

— Ах ты, разбойник! Зачем ударил Артёма? — подбежала к Никите няня с посудным полотенцем в руке. — Он пельвым толкнул меня... Я дал ему сдачи!

Няня при виде разбитого носа Артёма, не сдержавшись, хлестнула Никиту полотенцем, так, для острастки. К немалому удивлению няни, новичок замахнулся на неё, с вызовом бросил:

— Как дам! Скажу маме, что била меня! — и плаксиво затянул, затопал ногами: — Ты плохая тётя! Ты била меня! Мама говорит, что неззя детей бить... А ты била меня... Била! Била!

Няня хотела ещё раз стегануть драчуна, но опустила руку с полотенцем: на крик спешила воспитатель.

— Ольга Валерьевна! Как можно?! Ребёнок первый раз пришёл в группу, а вы его тряпкой хлещете! — выговорила она замечание няне.

— Не можно, а нужно! — удаляясь в буфет, через плечо буркнула возмущённая няня.

Из посудомойки слышался её недовольный голос:

— Потакайте ему в первый день, так он вам всем здесь на шею сядет и ножки свесит! Знаю я... Тридцать лет в этом комбинате работаю. Всяких повидала. Прута хорошего ему надо! Засюсюканный пацан. Доброго отношения не понимает. Я наказывала своих. Ремня не жалела. Один хирург сейчас, другой — офицер-пограничник. Надо же! Полотенцем шлёпнула по заднице!

Артёма увели в медкабинет, уложили на кушетку, застеленную клеёнкой, утёрли слёзы и разбитый, чуть припухший нос. С Никитой пытались поговорить, успокоить, объяснить, что драться нельзя, но тот дёргался, топал ногами, не желая слушать, отказался обедать и ложиться в кровать в сонный час. До прихода матери он букой просидел в углу, не переставая хныкать.

— Хотю домой... Хотю домой, — ныл Никита.

Вечером мальчика забирала из детского сада мать. Найдя своё чадо зарёванным, встревоженная Мария спросила Никиту:

— Ты плакал? Почему? Тебя обижали здесь?

— Меня били...

— Кто бил тебя, моё солнышко?

— Вот она била меня! Нехолосая тётя! — указал Никита на Ольгу Валерьевну, вошедшую в раздевалку вместе с воспитателем.

Женщины имели намерение поговорить с родительницей, но та и слова не дала сказать, напустилась на них с гневными словами:

— Вы какое право имели бить моего ребёнка? Разве не знаете, что детей бить нельзя?

— Он ударил по лицу Артёма, разбил ему нос... И не била я его, а всего разок полотенцем по заднице, — ответила няня и добавила: — Вы ещё намучаетесь с ним... Лупить его надо, а не сюсюкать... Избалованный... Вообще неуправляемый...

— И это говорит работник детского сада! Я буду на вас жаловаться в прокуратуру! Вас уволят!

Мария добилась своего. Опытную няню уволили за... избиение ребёнка! Хорошо хоть не судили.

Инциденты неординарного поведения Никиты Гущина в «Ромашке» повторялись часто. По настоятельному требованию педколлектива этого дошкольного учреждения заведующая вынуждена была отказать родителям Никиты в посещении детского сада.

Но проблемы на этом не кончились в семье Гуциных. Их стало больше, когда Никита пошёл в школу.

Одному однокласснику Никита выбил глаз камнем. Это случилось в шестом классе. Его не судили как несовершеннолетнего, родители отделились штрафом и компенсацией лечения пострадавшего мальчика, оставшегося на всю жизнь инвалидом. Крупную сумму пришлось Гуциным выложить. Да разве за деньги купишь потерянный глаз?! Из секции бокса, куда Дмитрий определил сына, Никиту отчислили за неспортивное поведение.

— На ринге ваш сын проявляет крайнюю жестокость к сопернику, — объяснил тренер своё решение. — Злость к противнику застилает ему глаза. Он горячится, излишне суетится, пропускает удары, и как результат — поражение на соревнованиях. Боксёр должен быть хладнокровным, расчётливым, собранным, не мстительным, уважающим противника.

Другого одноклассника — уже в девятом классе — Никита испинал ногами. От нанесённых им ударов по голове подросток несколько месяцев провалялся в больнице, из-за чего стал второгодником. И опять Гущина-младшего не судили, но родители вынуждены были продать дачу и автомобиль, чтобы избежать суда.

В десятом классе Никита Гуцин «отличился» тем, что оскорбил и ударил учительницу. Его выперли из школы, но родители сумели пристроить хулигана на первый курс в строительный техникум. Однако их усилия и здесь оказались напрасными. Зловредный сынок успел спутаться с уличной шпаной, курил, употреблял спиртное, имел приводы в полицию. Учёбу в «технаре» забросил, шлялся где-то до полуночи, являлся домой в грязных ботинках, в нетрезвом виде и на взволнованные вопросы матери грубо обрывал её: — Заткнись! Не твоего ума дело! Я не просил вас родить меня... Как хочу, так живу.

— Мерзавец! Вот всыплю хорошенько, будешь знать, как с матерью разговаривать в таком тоне! — хватался отец за ремень, но сын захлопывал перед ним дверь в свою комнату, увешанную журнальными портретами американских рок-музыкантов. — Ага! Только тронь! Заяву ментам накаатаю... На кичу хочешь на старости лет загреметь? Нет? Ну и умерь пыл... Поезд твой с ремнями давно ушёл...

Родители беспомощно разводили руками: да, пороть сына надо было, пока был мал, а сейчас он и сам может сдачи дать. Здоровый бугай вымахал.

Отец, успокаивая нервы, выкуривал подряд две-три сигареты. Мать на балконе утирала слёзы. Вся надежда оставалась на армию.

— Погоди, Маша, плакать... Вот призовут нашего обормота в вооружённые силы, там сделают из него человека, если мы не сумели... Не бывает в корбке кривых карандашей... Нет в военном строю согнувшихся уродцев... В армии всех ровняют... Выправят отцы-командиры и нашего обалдуя.

Не выправили... Не желая выполнить приказание сержанта сделать уборку в туалете, Никита нанёс ему удар в челюсть снизу вверх— апперкот, не зря ведь посещал секцию бокса. Сержант клацнул зубами, прикусив язык, и грохнулся на цементный пол, получив сотрясение мозга. Поняв, что за содеянное воинское преступление грозит суд военного трибунала, Никита бежал из расположения караульной роты. Недолго бегал. Дезертира изловили, судили и отправили в дисбат— дисциплинарный батальон.

Одних нарушителей законности наказание лишением свободы исправляет, других портит ещё больше. После освобождения из мест заключения озлобившийся Никита Гуцин уже не владел собой, доказывая «правоту» кулаками. На последнем заседании областного суда досконально, до мелочей, вскрылась неприглядная биография человека, воспитанного по понятиям: «Ударь, а то ударят тебя... Правда есть сила кулака». К этому

моменту Никита Гуцин уже имел две судимости: за грабёж и разбой. На этот раз его судили за особо тяжкие преступления: он изнасиловал и жестоко убил несовершеннолетнюю девочку. Ему вынесли приговор: пожизненное заключение.

Говорят, в тюрьме то ли сокамерники придушили его, то ли охранники, подкупленные родственниками потерпевших. По официальной версии, заключённый Никита Дмитриевич Гуцин повесился на верёвке, свитой из тюремной одежды, распущенной на полосы.

Вот и вся история человека, которому, как всякому любому, от рождения было предназначение высокое: трудиться на земле во благо всех живущих на ней. «Ничего в ней занимательного, интересного»,— скажет читатель и будет прав, но лишь отчасти, потому как неблагоприятная судьба человека, свернувшего с праведного пути, всегда поучительна.

Сила не в кулаках. Она— в правде.